КОЛЕЧКО, КОЛЕЧКО, КОЛЬЦО

завтра выходит «Властелин колец»

АНТОН ДОЛИН

Третья часть эпохальной трилогии новозеландского режиссера Питера Джексона по одноименной книге Дж. Р.Р. Толкиена «Властелин колец: Возращение короля» выходит в Москве чуть позже, чем в США и Европе. Однако и в Старом, и в Новом Свете фильм до сих пор остается на верхних строчках бокс-оффиса. Что дает ему шанс как стать рекордсменом за всю историю кино, так и получить долгожданный «Оскар» за лучший фильм года.

То ли год выдался неурожайный, то ли третья часть и вправду самая лучшая, только в отличие от прошлых двух лет, когда «Братство кольца» и «Две крепости» попадали в «оскаровские» номинации лишь «за компанию», теперь финальная серия эпопеи Джексона — Толкиена «Возращение короля» называется многими лучшим фильмом 2003 года. Кассовый успех невероятный, рецензии самые позитивные. Даже нью-йоркские кинокритики короновали картину своей премией — а больших снобов поискать.

И все твердят в один голос: «Ну разумеется, так и должно было быть». Хотя почему, собственно? Сейчас уже мало кто вспомнит, в какую авантюру пустился несколько лет назад Питер Джексон — малоизвестный новозеландец, остроумный адепт трэша. С чем-чем, а с «Властелином колец» можно было провалиться с таким треском, что карьера, какая ни есть, полетела бы в тартарары. Третья часть: содержание всем известно, стиль понятен. Длится уже не три часа, а три пятнадцать, это ж еще высидеть надо! Толкиен интересен далеко не всем, многие зрители его и вовсе не читали. А сказки, рыцари, хоббиты какие-то — тоже очень на любителя.

Однако факт есть факт. «Возращение короля» — самый лучший из трех фильмов. Объяснить это нелегко, почти невозможно. Говорят, батальные сцены здесь за гранью мыслимого: массовки гигант-

ские, постановка сражений внушительная, компьютеры работают на всю мощь. Так вот — в «Двух крепостях» битвы впечатляли куда больше. Говорят, актерские работы на высоте: на самом деле они лишь схематичнее, чем в первых частях. Солирует по большей части Голлум, как известно, создание виртуальное. Хотя помогавший в его сотворении актер Энди Серкис все же появляется на экране в прологе к фильму. Одного из самых интересных персонажей предыдущих двух серий, черного мага-предателя Сарумана, и вовсе вырезали, чтобы включить в коллекционное издание на DVD. Короче говоря, никаких объективных предпосылок к большой художественной удаче. А удача — налицо.

На ум приходит неожиданная мысль. Что, если Питер Джексон сделал этот фильм не благодаря всем представленным в его пользование мощностям, а вопреки им? Другими словами, утомили его безграничные просторы и многочисленные толпы загримированных новозеландских солдат, и захотел он вернуться к корням: к истории нескольких существ, вступающих в неравную и почти безнадежную битву со злом. Завершение этой истории, в отличие от первой и второй части, имеет композиционное право на катарсис. Вдобавок, оценивая третью часть, критики неминуемо будут возвращаться к первым двум, и призы дадут как бы всей трилогии в целом. Потому в «Возращении короля» важен не масштаб, не размах, а нюансировка. Расстановка акцентов.

Безусловно, перед нами эпос. Только ведь и в «Песни о Роланде» куда важнее гибнущих армий образ одинокого рыцаря, который перед смертью трубит в свой рог (образ, позаимствованный Джексоном). Так и здесь, одинокие Фродо и Сэм, упорно бредущие к жерлу Ородруина, чтобы разрушить Кольцо Всевластия, трогают сердце больше, чем судьбы народов. Правда, в данном случае эти судьбы напрямую зависят именно от них двоих. В «Возращении короля» на первый план выходят «скромные мира сего» — вполне в русле христианизированной вселенной Толкиена. Возникает законный вопрос: в чем заслуга Джексона, ведь все это было придумано

автором великой книги? Неужто только в популяризации шедевра? Нет, заслуга режиссера — в том, как расставлены акценты. Например, исчез самый харизматичный злодей, и отныне зло лишено персонализации. Уж конечно, не компьютерные назгулы и не гримированные орки представляют темную сторону, да и не Око Саурона, обзирающее, как огненный прожектор, подвластные ему земли. Зло — это малюсенькое золотое колечко, которое носит на груди истощенный карлик с голубыми глазами и мохнатыми ступнями; зло внутри, а не снаружи. И победа над этим, настолько незаметным, насколько и непобедимым, злом рождает подлинную кульминацию картины. А заодно заставляет забыть о многочисленных сюжетных и образительных огрехах: получилось — значит получилось, и нечего блох ловить. Голливуду есть за что сказать спасибо Питеру Джексону. Фабрике грез жизненно необходимы эпические полотна, но создавать их — дело нелегкое, и вопрос тут отнюдь не в средствах. Если автор эпоса пытается соблюсти свой уникальный почерк, итогом становится провал (пусть и не касовый): киностеблишмент никогда не признает вторые «Звездные войны» Джорджа Лукаса или вторую-третью части «Матрицы» братьев Вачовски. Если же автор отказывается от стиля, он может получить все возможные лавры, но к искусству его произведение уже не будет иметь ни малейшего отношения (наглядный пример — «Гладиатор» Ридли Скотта). Джексону же удалось пройтись по тонкой грани между конъюнктурой и творчеством. Материал, конечно, помог — больно благодатен, — но все равно, мало кто бы с таким справился. А заодно новозеландский режиссер сделал то, что в Голливуде всегда делали иностранцы. Он вернул то главное, ради чего и существует Большое Кино, со всеми его штампами, банальностями и общими местами. А именно веру в победу над темными силами, в человеческие способности, в возможность невозможного. Кто-то поморщится и процедит сквозь зубы: «Позлантина». Но что поделать — многие без этого прожить не могут. Для них и существует этот фильм, который лет через двадцать наверняка назовут «великим».